

ДОСТОЕВСКИЙ И ПО: ДЕМОНОЛОГИЯ УТОПИИ

Олег Владимирович Устимов

аспирант-филолог, преподаватель Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

e-mail: Lacedaemon37@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3460-4086

Аннотация. В статье рассматривается тема утопии в публицистическом и художественном творчестве Ф.М. Достоевского. Прослеживается связь этой темы у Достоевского с проблемами и концептами спиритизма, социализма и золотого века. Исследуется воплощение этой связи в статье «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» и рассказе «Сон смешного человека». При общей противоположности утопий в этих двух текстах, спиритизм и социализм становятся темами, в которых эти две утопии соприкасаются. Это сближение позволяет иначе прочесть оба текста (и особенно – «Сон смешного человека») и иначе интерпретировать отношение Достоевского к созданным им художественным образам. Проводится сопоставление этих тем и проблем у Ф.М. Достоевского и Э.А. По. Исследуется художественное изображение утопических систем у По в рассказах «Черт на колокольне», «Маска Красной Смерти» и «Система доктора Смоля и профессора Перро». Несмотря на то, что темы, тон и стиль этих рассказов По сильно различаются, тема утопии присутствует во всех, что позволяет сделать выводы о тех смыслах и оценках, которые данная тема приобретает в творческом мире Эдгара По. По сопоставлению полученных при анализе творчества Ф.М. Достоевского и Э.А. По данных делается вывод об общем неверии двух писателей в возможность построения утопии, но различии в понимании причин этой невозможности, заключающихся в различных взглядах на субъектность человека и темных сил.

Ключевые слова: Достоевский, По, спиритизм, утопия, золотой век, «Сон смешного человека», «Черт на колокольне», «Маска Красной Смерти», «Система доктора Смоля и профессора Перро»

В своей статье «Спиритизм. Нечто во чертах. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти», опубликованной в «Дневнике писателя» за 1876 г., Достоевский в рамках мысленного эксперимента создает утопию, которую можно противопоставить утопии «Сна смешного человека», поскольку она достигается за счет максимального увеличения знания и сознания, а не отказа от них в пользу всеобщей любви и единства с природой, как во «Сне...».

Достоевский, описав низкий уровень полезности и качества сообщений «с того света» (посылаемых чертями), предлагает читателю вообразить альтернативный вариант: а что если бы черти посылали людям не «пустячки», а делились знаниями о законах природы, еще не известных человеку, открытиями науки и техники:

«Вдруг бы, например, открыли электрический телеграф (т. е. в случае, если б он еще не был открыт) <...> вдруг посыпался бы ряд открытий вроде таких, что солнце стоит, а земля вокруг него обращается (потому что наверно есть еще много таких же точно, по размерам, открытий, которые теперь еще не открыты, да и не сняты мудрецам нашим); вдруг бы все знания так и свалились на человечество и, главное, совершенно даром, в виде подарка?» [Достоевский 1981: 33].

В таком случае, как пишет Достоевский, наступило бы общество изобилия «как меч-

тают наши русские социалисты». Тем не менее результат этой утопии был бы печален:

«Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной <...> что *счастье не в счастье, а лишь в его достижении*» [Достоевский 1981: 34].

В конечном итоге люди начнут истреблять друг друга, а затем и взбунтуются против чертей.

Спиритическая утопия в таком изложении начинается до степени смешения напоминать социалистическую, что Достоевский эксплицитно отмечает, а недостатки и потенциальная недолговечность этой утопии отчетливо видны как самому Достоевскому, посвятившему многие страницы своих художественных и нехудожественных произведений ее критике, так и чертям, которые не хотят ее воплощать именно по этой причине. Как это часто бывает у Достоевского, раздающего свои личные взгляды и качества отрицательным персонажам своих произведений, черти получают прозорливость Достоевского (либо Достоевский признается в своей чертовской прозорливости).

Утопия «Сна смешного человека», как было сказано выше, в чем-то может быть противопоставлена спиритической утопии (в основном – в принципах организации утопического общества), но у них есть и точки соприкосновения – утопический социализм и спиритизм.

О влиянии текстов утопических социалистов на «Сон...» было написано много работ (часть из них перечислена в комментариях к «Сну...» в Полном собрании сочинений [Достоевский 1983: 402]). В одной из последних работ на эту тему С.А. Кибальник пишет, что «Сон...» построен по принципам европейского социально-утопического романа в стиле Кампанеллы и Кабе:

«Путешествие на другую планету или в другую страну, люди “солнца”, “сон” и “галлюцинации”, “бред”, “сумасшествие” и возможность “вдруг” все устроить – элементы сюжета социально-утопического романа вообще» [Кибальник: 228].

Правда, Кибальник ниже отмечает, что утопия «Сна...» – это утопия «социального христианства», а не утопического социализма, поскольку наступает «вследствие осознания необходимости братской любви – следовательно, не по рецепту утопического социализма или коммунизма» [Там же: 230], но путь к этой утопии может быть вынесен за скобки, если результат напоминает образы утопических социалистов.

Тем не менее обе эти утопии оканчиваются крахом вне зависимости от того, какой путь к ним привел – материальное ли изобилие, дарованное людям чертями, или осознание братской любви, которое загадочным образом испаряется после того, как жители планеты узнают о том, что от этой братской любви можно отказаться. Все утопии Достоевского недолговечны и тем самым семантически соединяются с концептом золотого века, одним из основных свойств которого является то, что этот золотой век скоро закончится. И утопия «Сна смешного человека» напоминает золотой век, который снится Ставрогину – картину Клода Лоррена «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей», на которой запечатлен момент за минуту до гибели Ациса и Галатеи от циклопа Полифема [Тихомиров: 760]. (В контексте связи утопии «Сна...» и утопии Версилова из «Подростка», куда перешел сон Ставрогина по цензурным соображениям, В.Н. Топоров предлагает говорить о «тексте золотого века» у Достоевского [Топоров: 465]). В концепте золотого века уже есть его гибель, знаменующая гибель всех утопий, порожденных этим претекстом.

Второй точкой соприкосновения является спиритизм, и если спиритизм утопии статьи «Нечто о чертях...» не нуждается в обосновании, то спиритизм «Сна...» заслуживает комментария. Во-первых, указывают, что на создание рассказа повлияло увлечение Достоевского астрономией – в его библиотеке были

найденны книги астронома Камиля Фламариона. Фламарион был не только астрономом, но и убежденным спиритом, который писал «о путешествиях духов, не замерзающих в пространстве» [Виницкий: 94]. Но более интересным может быть влияние на рассказ Достоевского другого представителя спиритического учения – Эндрю Джексона Дэвиса, с теориями которого Достоевский мог познакомиться во время общения с другом, корреспондентом и популяризатором идей Дэвиса А.Н. Аксаковым.

Дэвис, вслед за Фламарионом, придерживался идеи о том, что другие планеты заселены духами и даже, как пишет известная русская спиритка и кулинар Е.И. Молоховец, «человечествами» [Молоховец: 8]. Если Достоевский и был знаком с концепцией Фламариона о населенности других планет духами, то через двойное опосредование Дэвиса и Аксакова, поскольку из трудов Фламариона в библиотеке Достоевского были только работы по астрономии [Достоевский 1983: 400].

Вторым компонентом учения Дэвиса, важным для «Сна...», являлась смычка спиритического учения с социалистическим, а именно – с учением Шарля Фурье, про которого Дэвис писал, что его учение является «наиболее полезным, наиболее истинным, наиболее безгранично возвышенным, даже стремящимся к уровню учения Иисуса и подтверждаемым им» [Davis: 585].

В учении же Фурье Дэвис находит «невыразимую гармонию, пронизывающую Вселенную» [Там же], что подводит нас к третьему важному компоненту учения Дэвиса – Природе. Основной труд Эндрю Джексона Дэвиса называется «Принципы природы», в котором многие страницы посвящены гармоничному взаимодействию с ней. Эта гармония с природой, которую искал Дэвис, была воплощена на планете, посещенной смешным человеком.

Таким образом, в утопии рассказа «Сон смешного человека» воплощены сразу все принципы учения Дэвиса:

1. Убежденность в бессмертии души: «Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса» [Достоевский 1983: 114].

2. Социальный строй в стиле французских утопистов: «Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни, они питались легкой пищею, плодами своих деревьев, медом лесов своих и молоком их любивших животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка» [Там же: 113].

3. Гармония с природой и вселенной: «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда воспол-

нятся их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» [Там же: 114].

Утопия «Сна смешного человека» – это не воплощение идеала христианской любви, чаемое Достоевским, а спиритическая утопия Дэвиса, хоть и отличающаяся от иронической зарисовки из статьи «Нечто о чертах...», но только во внешних чертах. Суть в них одна, и эта их суть Достоевским отвергается.

Полезным для прояснения отношения Достоевского к двум своим утопиям будет сравнение его с другим автором, изображавшим темные силы и ироничные утопии в своих текстах, – Эдгаром Алланом По. Сравнению двух классиков посвящены многие работы. Из относительно недавних исследований на эту тему стоит отметить общесопоставительную статью Г.Л. Богграда [Боград] и коллективную монографию о По, Бодлере и Достоевском, в которой наибольший интерес для нас представляют статьи о демоне перверсии [Вальга], о нарраторах [Телье] и о черте [Осипова].

Влияние на «Сон смешного человека» рассказов По, опубликованных Достоевским, уже неоднократно исследовалось. В комментариях к «Сну смешного человека» в Полном собрании сочинений [Достоевский 1983: 400–403] есть раздел о влиянии

на «Сон...» рассказов По; сошлемся также на известную работу Робин Фойер Миллер о «Сне...» (в которой он интересно трактуется как святочный рассказ), где есть раздел о По [Миллер: 195–202]. Например, следующий фрагмент «Повести Крутых гор» рифмуется с похожим описанием собственной смерти / сна о смерти у Достоевского:

«Я забился в судорогах... я испустил конвульсивный вздох... я умер. <...> В течение нескольких минут, – заговорил тот, – моим единственным ощущением, моим единственным чувством были бездонная темнота, растворение в ничто и осознание себя мертвым. Затем мою душу как бы сотряс внезапно удар, словно электрический. И он принес с собой ощущение упругости и света, но свет этот я не видел, а только чувствовал. В одно мгновение я, казалось, воспарил над землей» [По: 319].

Или же особенность открытых во сне истин и их переноса из сна в реальность в рассказе «Месмерическое откровение» похоже на чувства смешного человека, пытающегося проповедовать то, что он «понял» во сне:

«Месмерическое озарение позволяет мне схватывать самый ход рассуждений, который, пока я нахожусь в этом необычном состоянии, я могу проследить, но который – такова сама месмерическая феноменальность подобного состояния – становится недоступен моему пониманию в нормальных условиях, тогда в сознании остаются

лишь результаты этих рассуждений. Бодрствующему во сне рассуждения и вывод – то есть причина и конечный результат – даны нераздельно. В естественном же состоянии причина исчезает, и остается – да и то, пожалуй, лишь частично – один результат» [Там же: 792].

Тут стоит лишь отметить, что на месмерические рассказы По повлияли лекции Эндрю Джексона Дэвиса, до спиритизма увлекавшегося темой животного магнетизма [Sova: 85]. Таким образом, помимо тематических пересечений внутри текстов По и Достоевского, есть еще один объединяющий их элемент – учение Дэвиса. Мы же для изучения темы утопии обратимся к другим рассказам американского писателя. Оговоримся, что их выбор обусловлен исключительно тем, что каждый из рассказов по своему обращается к теме утопии (при всей разнице в модальности подачи этой темы). Впервые объединить эти рассказы в подобную серию попытался Р.А. Фаско [Fusco].

Так, у По есть рассказ, по своей сюжетно-нарративной организации явно напоминающий «Сон смешного человека»: рассказчик, представитель цивилизации, попадает в утопическое гармоничное общество и становится свидетелем его крушения, после чего возвращается в свой мир и рассказывает всем об основах той гармонии, которую он увидел. Это рассказ «Черт на колокольне».

Нарратор – человек, обладающий поверхностным рациональным знанием, историк по профессии и образу мышления, берется повествовать об утопическом обществе голландского городка Школькофремена «с тем строгим беспристрастием, скрупулезным изучением фактов и тщательным сличением источников, коими ни в коей мере не должен пренебрегать тот, кто претендует на звание историка» [По: 88]. В описываемом рассказчиком обществе не происходит никаких изменений, городок «всегда выглядел совершенно так же, как и в нашу эпоху» [Там же: 89], а одним из принятых во время пребывания рассказчика в Школькофремене советниками ратуши решений было не изменять «добрый старый порядок жизни» [Там же: 91]. Другим решением, выражающим основные принципы этого общества, было стремление «держаться наших часов и нашей капусты» [Там же].

Часы и капусту объединяет их геометрическая форма – круг (в случае капусты – трехмерный вариант круга, шар), еще древними греками названная совершенной. Все в обществе Школькофремена циклично и размеренно, как в круге. Но часы, помимо цикличности, указывают и на временность установленной утопии. Ту же функцию мотив часов выполняет в рассказе «Маска Красной Смерти», постоянно напоминая гостям замка Просперо о том, что утопия принца рано или поздно закончится – когда

опустеют запасы или когда Красная Смерть проникнет в утопию извне. Что касается капусты, она указывает на скромность и неприхотливость (со времен императора Диоклетиана).

Но этой утопии приходит конец, когда черт, «Дер Тейфель», проникает в Школькофремен, заставляет часы ударить тринадцатый раз и тем самым разрушает математически точный баланс и гармонию. Рассказчик становится свидетелем этой сцены, покидает город и, подобно смешному человеку, проповедующему об увиденной им утопии, взывает о помощи «ко всем любителям точного времени и капуста» [Там же: 95].

Аналогичная ситуация, но без внешнего свидетеля, разыгрывается в упомянутом ранее рассказе «Маска Красной Смерти». Принц Просперо с целью укрыться от бушующего мора запирается в одном из своих аббатств вместе с приближенными и пытается создать свою утопию. Аббатство Просперо, «выстроенное наподобие замка» [Там же: 243], можно сравнить с «Хрустальным дворцом» Достоевского – образом, символизирующем утопическое общество, которому не суждено продержаться долго.

Интересно, что удивительная архитектура замка в конечном итоге по форме может напоминать тот же круг, что и план города Школькофремена из «Черта на колокольне», если предположить, что каждый поворот в новую комнату совершается в одну сторо-

ну. Комнаты в замке Просперо «располагались столь причудливо, что взор охватывал немногим более одного зараз. После каждых двадцати или тридцати ярдов был крутой поворот» [Там же: 244]. Сравним с устройством Школькофремена:

«Городок расположен в долине, имеющей форму правильного круга <...> По краю долины (совершенно ровной и полностью вымощенной кафелем) расположены, примыкая друг к другу, шестьдесят маленьких домиков» [Там же: 89].

В этом случае форма круга является у По геометрическим символом утопии.

Еще одним рассказом По, поднимающим интересующую нас тему утопии, является комический рассказ «Система доктора Смоля и профессора Перро». На уровне нарратива этот рассказ устроен так же, как и «Сон смешного человека» и «Черт на колокольне» – чужак оказывается свидетелем крушения утопического общества. Рассказчик, путешествуя по Франции, решает посетить дом умалишенных, который, как он узнает в ходе визита, захватили сумасшедшие и установили там свои порядки. В конце рассказа надзиратели возвращают себе свободу и контроль над заведением, тем самым разрушая утопию сумасшедших.

Помещая действие рассказа во Францию и делая всех, настоящих и вымышленных, создателей социально-медицинских утопий

французами, По полемизирует с французскими социалистическими утопиями. Описывая существовавшую прежде систему, доктор Майяр (оказавшийся впоследствии сумасшедшим) в своих словах удивительно совпадает с одним социальным проектом, запечатленным в романе Достоевского «Бесы». Несмотря на все очевидные различия, микросоциологические механизмы в двух системах – Майяра и Шигалева – работают схожим образом.

Описывая «систему поблажек», герой По говорит следующее:

«Было очень важно заставить каждого сумасшедшего наблюдать за поступками всех остальных. Дайте понять умалишенному, что вы полагаетесь на его благоразумие и сообразительность, – и он ваш телом и душой. Действуя таким образом, мы избавились от необходимости содержать целый штат надзирателей, которые обходятся недешево» [По: 441].

А Петруша Верховенский так комментирует проект Шигалева:

«У него хорошо в тетради, – продолжал Верховенский, – у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны» [Достоевский 1974: 322].

Обе системы – «система поблажек» и «шигалевщина» – устроены по принципам равенства в несвободе, когда все становят-

ся надзирателями друг для друга. Но доктор Майяр доводит эту систему до еще большего совершенства: «почему-то он вбил себе в голову, что открыл новую систему управления, лучше всех старых, которые были известны прежде, – систему, когда управляют сумасшедшие» [По: 452].

Но и этой утопии не суждено было продержаться долго. Крики надзирателей, которые были слышны из столовой, выполняют в рассказе ту же функцию, что и удары часов в «Маске Красной Смерти» – являются свидетельством временности происходящего пиршества и знамением скорого конца [Fusco]. Рассказчик, судя по всему, принял достоинство системы, в которой управлять должны сумасшедшие, а надзирателей нужно вывалить в смолу и перьях и держать на хлебе и воде, поскольку он в конце рассказа говорит:

«Все мои поиски сочинений доктора Смоля и профессора Перро, – а в погоне за ними я обшарил все библиотеки Европы – окончились ничем, и я по сей день не достал ни одного из их трудов» [По: 456].

Видимо, недостаточное знакомство с выдуманными сумасшедшим трудами – это единственное, что останавливает рассказчика «Системы...» от того, чтобы присоединиться к своим коллегам-проповедникам из рассказа По «Черт на колокольне» и рассказа Достоевского «Сон смешного человека».

Сравнивая утопии Достоевского и По, можно сделать несколько выводов. Оба они не верили в возможность построения утопического общества (возможно, исключением могла бы стать христианская утопия любви Достоевского, но он так никогда ее полноценно художественно не изобразил), они всегда терпят крах. Но причины этого краха различаются. У По этой причиной обычно становится пришествие темных сил извне (черт в «Черте на колокольне», Красная Смерть в «Маске Красной Смерти», надзиратели, «армия каких-то существ» в «Системе доктора Смоля и профессора Перро»). По считал, что замкнутые системы не могут существовать, внешняя сила всегда вторгнется и разрушит утопический мир (даже целую планету, как это сделала комета в рассказе «Разговор Эйрос и Хармионы» [Fusco]). У Достоевского же не черти разрушают системы, построенные людьми, а люди разрушают системы, построенные чертями (или которые черти могли бы построить). Герой «Сна смешного человека» совмещает в себе функции рассказчика и черта из «Черта на колокольне» – сам является разрушителем и свидетелем разрушения. В статье «Нечто о чертах...» люди бунтуют против рациональной утопии изобилия, предоставленной им чертями (тема, важная для Достоевского со времен «Записок из подполья» [Morson: 130]), поэтому черти и не реализуют утопию, а устраивают раздор. Достоевский не верил

в онтологическую силу зла («Вся беда моя в том, что я и сам никак не могу поверить в чертей» [Достоевский 1981: 33]), а верил только в свободную волю человека.

Литература

Боград, Г.Л. Достоевский и Эдгар Аллан По // Достоевский и мировая культура / гл. ред. К. А. Степанян. М. 2008. Т. 24. С. 66–75.

Вальта, Ж.-К. Демоны перверсии: По, Бодлер, Достоевский и новый субъект модернитета // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / под ред. А. Ураковой, С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 51–67.

Виницкий, И.Ю. Видение топора. Достоевский и космонавтика // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). С. 124–152.

Достоевский, Ф.М. Бесы: Роман в 3 ч. // Полн. собр. соч. В 30 тт. Л.: Наука. Ленинградское отделение. Т. 10. 1974.

Достоевский, Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель // Полн. собр. соч. В 30 тт. Л.: Наука. Ленинградское отделение. Т. 22. 1981.

Достоевский, Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август // Полн. собр. соч. В 30 тт. Л.: Наука. Ленинградское отделение. Т. 25. 1983.

Кибальник, С.А. Философский интертекст творчества Достоевского. Спб.: ИД «Петрополис», 2021.

Миллер, Р.Ф. Неоконченное путешествие Достоевского / пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Academic Studies Press. Библиороссика, 2022.

Молоховец, Е.И. Краткая история домостроительства вселенной. СПб.: тип. Попечительства Человеколюбивого о-ва, 1906.

Осипова, Э. Черт в рассказах По и в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / под ред. А. Ураковой, С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 165–175.

По, Э.А. Полное собрание рассказов в одном томе: рассказы / пер. с англ. М. Беккер, И. Гуровой, Р. Облонской. М.: Эксмо, 2014.

Телье, В. От «Новых необычайных историй» к «Запискам из подполья»: писать от первого лица // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / под ред. А. Ураковой, С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 132–146.

Тихомиров, Б.Н. Комментарий Б.Н. Тихомирова в романе Ф.М. Достоевского Бесы. Санкт-Петербург: СЗКО, 2022.

Топоров, В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

Davis, A.J. (1847). *The principles of nature, her divine revelations and a voice to mankind*. New-York: S.S. Lyon and Wm. Fishbough.

Fusco, R. A., (1982). Chapter II. In R. A. Fusco, *Poe and the perfectability of man*. M.A: University of Mississippi, 38–55.

Morson, G.S. (1981). *The boundaries of genre: Dostoevsky's diary of a writer and the traditions of literary utopia*. Austin, TX: University of Texas Press.

Sova, Dawn B. (2001). *Edgar Allan Poe: A to Z*. New York City: Checkmark Books.

References

Bograd, G.L. (2008) *Dostoyevskiy i Edgar Allan Po [Dostoyevsky and Edgar Allan Poe]. Dostoyevskiy i Mirovaya Kul'tura. Filologicheskij Zhurnal [Dostoyevsky and World Culture. Philological Journal]*, 24, 66–75.

Davis, A.J. (1847). *The principles of nature, her divine revelations and a voice to mankind*. New-York: S.S. Lyon and Wm. Fishbough.

Dostoyevskiy, F.M. (Ed.). (1974). *Besy: Roman v 3 ch. [Demons. Novel in 3 Vols.] In Poln. sobr. soch. V 30 tt. [Complete works: in 30 volumes] (Vol.10)*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye.

Dostoyevskiy, F.M. (Ed.). (1981). *Dnevnik pisatelya za 1876 god. Yanvar'-aprel'. [Writer's diary for 1876. January-April]. In Poln. sobr. soch. V 30 tt. [Complete works: in 30 volumes] (Vol.22)*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye.

Dostoyevskiy, F.M. (Ed.). (1983). *Dnevnik pisatelya za 1877 god. Yanvar'-avgust. [Writer's diary for 1877. January-August] Poln. sobr. soch. V 30 tt. [Complete works: in 30 volumes] (Vol.25)*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye.

Fusco, R. A., (1982). Chapter II. In R. A. Fusco, *Poe and the perfectability of man*. M.A: University of Mississippi, 38–55.

Kibal'nik, S.A. (2021) *Filosofskiy intertekst tvorchestva Dostoyevskogo* [Philosophical intertext of Dostoevsky's work]. Saint Petersburg.: ID «Petropolis».

Miller, R.F. (2022). *Dostoevsky's unfinished journey* (A. Stepanov, Trans.). Boston / Saint Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika.

Molokhovets, E.I. (1906). *Kratkaya istoriya domostroitel'stva vseleynoy* [A brief history of the economy of the universe]. Saint Petersburg: Guardianship of a Humane Society Publ.

Morson, G.S. (1981). *The boundaries of genre: Dostoevsky's diary of a writer and the traditions of literary utopia*. Austin, TX: University of Texas Press.

Osipova, E. (2017). Chert v rasskazakh Po i v romane Dostoyevskogo “Brat'ya Karamazovy” [The Devil in Poe's tales and Dostoevsky's The Brothers Karamazov]. In A. Urakova, & S. Fokin (Eds.), *Po, Bodler, Dostoyevskiy: blesk i nishcheta natsional'nogo geniya* [Poe, Baudelaire, Dostoevsky: splendors and miseries of national genius]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 165–175.

Poe, E.A. (2014) *Polnoye sobraniye rasskazov v odnom tome: rasskazy* [Complete stories in one volume: stories] (M. Bekker, I. Gurova, & R. Oblonskaya, Trans.). Moscow: Eksmo.

Tel'ye, V. (2017) Ot “Novykh neobychnykh istoriy” k “Zapiskam iz podpol'ya”: pisat' ot per-

vogo litsa [From “New Extraordinary Tales” to “Notes from Underground”: speaking in the first person]. In A. Urakova, & S. Fokin (Eds.), *Po, Bodler, Dostoyevskiy: blesk i nishcheta natsional'nogo geniya* [Poe, Baudelaire, Dostoevsky: splendors and miseries of national genius]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 132–146.

Tikhomirov, B.N. (2022). *Kommentariy B.N. Tikhomirova v romane F.M. Dostoyevskogo Besy* [Comment by V.N. Tikhomirov in the novel by F.M. Dostoevsky's Demons]. Sankt-Peterburg: SZKO.

Toporov, V.N. (2009). *Peterburgskiy tekst* [Petersburg text]. Moscow: Nauka.

Sova, D. B. (2001). *Edgar Allan Poe: A to Z*. New York City: Checkmark Books.

Val'ta, Zh.-K. (2017) Demyony perversii: Po, Bodler, Dostoyevskiy i novyy sub'yekt moderniteta [Demons of perversity: Poe, Baudelaire, Dostoevsky, and the new subject of modernity]. In A. Urakova, & S. Fokin (Eds.), *Po, Bodler, Dostoyevskiy: blesk i nishcheta natsional'nogo geniya* [Poe, Baudelaire, Dostoevsky: splendors and miseries of national genius]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 51–67.

Vinitsky, I.Yu. (2021) Videniye topora. Dostoyevskiy i kosmonavtika [The vision of an axe. Dostoevsky and astronautics]. *Dostoyevskiy i Mirovaya Kul'tura. Filologicheskyy Zhurnal* [Dostoevsky and World Culture, Philological journal], 1 (13), 124–152.

Для цитирования: Устимов О.В. Достоевский и По: демонология утопии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 107–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-107-119

For citation: Ustimov, O.V. (2024). Dostoevsky and Poe: Demonology of Utopia. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 107–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-107-119

DOSTOEVSKY AND POE: DEMONOLOGY OF UTOPIA

Oleg V. Ustimov, PhD Student (Philology), Lecturer at Voronezh State University (Voronezh, Russia);
e-mail: Lacedaemon37@gmail.com

Abstract. The article examines the theme of utopia in F.M. Dostoevsky's journalism and creative writing. The connection between this theme in Dostoevsky and the problems of spiritualism, socialism and the Golden Age is traced. The embodiment of this connection is explored in the essay "Spiritism. Something about devils. The extreme shrewdness of devils, if only they are devils" and the story "The Dream of a Ridiculous Man". Given the general opposition of utopias in these two texts, spiritualism and socialism become themes in which these two utopias come into contact. This rapprochement allows us to read both texts from different perspective (especially "The Dream of a Ridiculous Man") and to interpret Dostoevsky's attitude to the artistic images he created. A comparison is made of these themes and problems in F.M. Dostoevsky and E.A. Poe. The artistic depiction of utopian systems by Poe in the stories "The Devil in the Belfry", "The Masque of the Red Death" and "The System of Doctor Tarr and Professor Fether" is examined. Despite the fact that the themes, tone and style of these stories by Poe are very different, the theme of utopia is present in all these stories, which allows, after analyzing them, to draw conclusions about the meaning this topic acquires in the artistic world of Poe. By comparative analysis of the works of F.M. Dostoevsky and E.A. Poe the conclusion is made about the general disbelief of two writers in the possibility of building utopia, and differences in understanding the reasons for this impossibility, based on assumptions about agency of man and dark forces.

Key words: Dostoevsky, Poe, spiritualism, utopia, golden age, "The Dream of a Ridiculous Man", "The Devil in the Belfry", "The Mask of the Red Death", "The System of Doctor Tarr and Professor Fether"

